

Сергей КОРОТКОВ. СТИХИ. Избранное.
Член союза писателей России. Лауреат литературных конкурсов и премий.

Молчи! Ни слова о России!
Уже заношены до дыр
Её одежды восковые,
Её пурпуровый подир.

Туман ли, снег чело закрыли.
И за спиною, как петля,
Её обугленные крылья,
Её холодная земля.

Но есть в сердцах предмет священный,
Хранимый Богом про запас
От злобы черни современной,
От страсти, что бушует в нас.

ФРОНТОВИКИ

Фронттовики хлебнули варева
Из пулемётного свинца,
А мы, пожалуй, разбазарили
Принадлежавшее отцам.

Дом отчий грызли короедами,
Кто слева, справа, – всё равно.
Мы изгалялись над главредами
На кухнях наших под вино.

Всё анекдоты, анекдоты...
Мы шли у тех на поводу,
Кто наши общие невзгоды
Корыстному подверг суду.

Фронттовики не спасовали, –
Закалка сталинских бойцов, –
И яростно атаковали
Сионских горе-мудрецов.

Фронттовики в семидесятые,
Стояли стражами у врат,
Чтоб эти черти полосатые
Не опаскудили парад.

И тот, ноябрьский и суровый,
И тот, победный, в кумачах.
Не по зубам им правды слово,
"Апрель" их на корню зачах.

"Метрополя" ушли поделки
На западный аукцион.
И до сих пор, над Переделкино,
Их души стаями ворон...

Ошибка вышла бесшабашная,
Мы передрались впопыхах,
Они Останкинскую башнею
Нас победили. Это факт.

Недаром под её громадою
Ребята наши полегли.

Они распались на атомы,
Вошли в состав родной земли.

Поскольку многих в крематориях
Ночами потаённо жгли.
Кто им напишет ораторию?
Вот мы, выходит, не смогли.

Да, нам досталась доля страшная:
Державу сдунуло, как дым.
И эта наша боль всегдашняя,
Теперь горит огнём живым.

Год девяносто третий, траурный,
Своим дыханием опалил
Тех, кто, как под плитою мраморной,
Огонь восстания таил.

Он вырвался струёю синею,
И запылали небеса,
И те, и те клялись Россиею
Войны гражданской голоса.

Свистели пули, как соловушки
В сомнамбулическом бреду.
И гибли буйные головушки
За обрусевшую звезду.

Чечь офицерскую спасая,
Отвергнул "Альфы" командир
Все уговоры Расстреляя,
Что в тир Парламент превратил.

Зато "апрель-интеллигенция"
Завыла казнокрадам в такт,
И умоляла слёзно Ельцина
Перестрелять нас, как собак.

По указанию дипмиссии
Переговоров рвали нить,
И меморандумы подписывали,
Чтоб нашу кровушку пролить.

Судьба восставших им до лампочки,

Смотреть привыкли свысока,
Всё подшивали списки в папочки
Функционеры из ЦК.

Поскольку крики подстрекателей –
Начало всяческой войны,
Мы помним имена предателей,
И подписи их сочтены.

* * *

Господнее благословение

Господнее благословение:
Крым возвращается домой!
С щемящей жаждой исцеления,
Простившись с долгою зимой.

Весна! Мы ходим, взявшись за руки,
И поцелуями искрим,
А где-то Ярош, где-то Парубий
Грозят безлюдным сделать Крым.

Наш Крым! Где столько новой музыки,
Где столько света и добра!
И где душа открылась русская,
Как роза красная с утра.

* * *

Восстал Донбасс. Вперёд, за дело!
Здесь русский дух. Здесь правда дня.
Душа народа уцелела
Под гул священного огня.

Бандеровские бандюганы
Исторглись из своих гробов.
Казалось им, что в их карманы
Стекаться будет труд рабов.

Плывут, плывут над степью звоны,
И звонам тем неведом страх.
На блокпостах цветут иконы,
И весь Донбасс в таких цветах.

Встают Луганск, Донецк и Славянск,

Их богатырские щиты.
И лица, с ликами сливаясь,
Христовой жаждут высоты.

* * *

В непробудные смутные годы
Народили мы бедных детей,
С непонятною жаждой свободы
И безумием адских страстей.

Их сердца обрастают шипами,
Норд холодный им рты леденит,
И в ответ извергается пламя
Недоношенных нами обид.

В темных дебрях кооперативок
Мы живем, как под голой луной,
Если дочь, словно рысь, на загривок,
Если сын клюв смыкает стальной.

Угасающие в зевоте,
Заслужили мы участь свою.
И орланы ликуют в полете,
И змея замерла на краю.

* * *

Хорошо, когда знобит,
Это времени ознобы.
Хорошо, когда прибит
На кресте своей утробы.

Вызволяется душа
По голгофскому закону.
Хорошо, что ни гроша,
А на сердце много звону.

Хорошо, что пропадём
В этой синей мгле навеки.
Хорошо, что всё на слом.
Это точно, как в аптеке.

Хорошо, когда строка
Ослепляет вспышкой света.
Хорошо, что дуракам
Не дают пока ответа.

Хорошо, что ветер вхож
В охраняемые сени.
Хорошо, что будет дождь
Из рыдающих прозрений.

Хорошо, что есть Христос,
Даровавший нам свободу.
Хорошо, что есть вопрос
К листопадному народу.

Хорошо, что он падёт
В гущу чана мирового.
Хорошо, что век грядёт,
Огнедышащего слова.

* * *

Встретимся на Солнце, у гряды могучей.
Вся она из света и грядущих слов.
Встретимся на Солнце, мы пройдем сквозь тучи.
Мы развеем тучи, не щадя голов.

Сколько нас? Немного... Мы – как та водица,
Тайная водица с вековой кутьи.
В песнях ищем Бога, чтоб не заблудиться.
А погибшим – память, ночь и соловьи.

Горечи немало в наших песнопеньях.
Но родное небо не упало ниц.
Мы – тот самый воздух русских поселений,
Воздух, иссечённый вспышками зарниц.

Хорошо нам нынче – времена приспели
Косарям искусным косами сверкать.
Встретимся на Солнце, как в одной купели,
Встретимся на Солнце – нам не привыкать.

* * *

Заслужите верёвку, чтоб прыгнуть,
Заслужите карниз, чтоб упасть.
Заслужите туннель, чтобы крикнуть,
Заслужите шинель, чтобы пасть.
Заслужите горячую пулю
Заслужите холодный нож.

Или просто в паху пилюлю,
От которой по телу дрожь...
Заслужили – тогда валяйте:
И клеймите, и восхваляйте!
1990

* * *

Утоли мои печали,
Освяти мой путь.
В хате белой, как в начале,
Дай уснуть.

Пусть над степью над солёной
Звездочки горят.
Под луною раскалённой
Сны мои парят.

А проснусь – увижу солнце.
Мать моя в лучах.
И уютное оконце
В свежих куличах.

Пахнут творогом качели,
Колыбель, как пух.
Утоли мои печали,
Укрепи мой дух.

* * *

Эти яблоньки деревенские,
Эти хмурые купола,
Эти Мценски и эти Энски.
И Москва бы без вас не жила.

И с буграми моя и с воронками,
Словно хата чиста на юру.
Солнце красное спелой смородиной
Чуть качается на ветру.

Озари изумрудной лампадою
Бесконечные эти углы,
Чтоб воскресли с весеннею радугой
Обмороженные стволы.

Там струятся дымки самосадные,
Там похмелье не сходит с двора,

Там и тучи, такие громадные,
Что их рвать на знамёна пора!

ПАМЯТИ ВАДИМА КОЖИНОВА

Ах, мне запомнилось словцо,
Словечко хоть куда...
Он, прямо глядя мне в лицо,
Сказал: «Талант – беда.
Я видел многих удальцов,
Не устоявших всё ж.
Они, друг мой, в конце концов
Не сберегли свой грош».
И закурил, прищурив глаз,
Спасая огонёк...
Быть может, это был как раз
Поэзии урок.
Она проста, как хлеб и дом,
Как честный труд пера.
Она проста, но в ледяном
Сиянии остра.
И там, где молчаливость сна
Смерть стережёт у врат,
Я верю – Божия весна
Нас всех пробудит, брат.
Горька сырая трезвость глин,
Но сквозь немую дрожь
Мне кто-то крикнет из глубин:
«Ты прирастил свой грош».

* * *

В той стороне, где бегал босиком
И где во рву купался, словно в чане,
Я помню – над заснеженным леском
Сияло солнце жаркими очами.

И в доме Чудотворец на стене
По вечерам мерцал в лампадном свете,
И холодом тянуло из сеней,
Где паучок раскинул свои сети.

В разбитой церкви жили снегири.
Они кормились мёрзлой рябиной.
И это было, что ни говори,

Воистину Рождественской картиной.

Там в синей дымке плыли города
И трубами высокими дымили,
Всю ночь Полярная невестилась звезда
Во всей своей красе и тайной силе.

В такой стране я жил и счастлив был.
Она меня ничем не обделила.
Но я из смертной чаши пригубил,
И знанье это сердце опалило.

* * *

Идут стихов гружёные верблюды.
Чего там только нет, на тех горбах!
И прошлое несут, и то, что будет.
Идут стихи и пляшут на губах.

Идут стихи пустыней ложной веры.
След божества сокрыт во мгле песка.
Идут стихи, как некие химеры,
Идут стихи «карябать и ласкать».

Погонщицы, погонщицы родные,
Всё женщины, которых пригубил,
Кнутами мести бейте в сны цветные!
О, я не всё в сей жизни отлюбил.

Идут стихи размашистой походкой,
Шумят стихи, как ветви у воды.
Живут стихи во мне лампадкой кроткой,
И светятся в сиянии звезды.

И солнца шар из-за горы выходит,
И восемь золотых своих минут
Летят стихи с мечтою о свободе,
И вот пришли. И больше не уйдут.

* * *

Если Родина в черном, то в оба гляди -
Совершают набег мировые хазары.
Покупатели душ разложили товары
И пришедших продать прижимают к груди.

Русь моя! Молодая монашка вины.
Свет глубинный в очах, словно солнце за лесом,
Ты зовешь синеву над тобою не-бесом.
Долго ль бесам кружить у заветной стены?

Да и эти, багровые, там за стеной.
Что им вещая плаха из Книг Голубиных?
Деды их распинали тебя на осинах,
Проходя над страной, словно вихрь ледяной.

Но прости. Знаю я — ты живешь без обид
И несешь свою чашу, как дар обручальный,
Ты зовешь эти ямы равниной печальной,
Ибо образ твой втоптан, но дух не убит.

Роковая, высокая стать твоя может
Мир окружй с орбиты столкнуть навсегда.
Как они тебя жаждут, как сроки итожат!
Но ты в черном стоишь, как в колодце вода.

Смотрит Россия больными глазами,
В душу глядит неспроста.
Ветрено, ветрено под небесами,
Очень глухие места.

Где-то опять человека раздели
И пригвоздили к кресту.
Мы-то своих схоронили, отпели —
Что нам кричать в темноту

Лучше затянем мы песню ватажью
Грянем дружнее, братья!
Ох, и попили мы кровушку вражью
Вместо студеной воды.

В страшном бою том — известное дело —
Много и нас полегло.
Зря что ли Матушка-Русь побелела,
Словно её замело.

А как растаяли злые сугробы,
Глянули мы — вот те крест —
Братья лежали единой утробы
Жители этих вот мест.

Озари, изумрудной лампадою
Бесконечные эти углы.
Чтоб воскресли с весеннею радугой
Обмороженные стволы.

Там струятся дымки самосадные,
Там похмелье не сходит с двора,
Там и тучи, такие громадные,
Что их рвать на знамена пора!

Мы пригублены до срока.
Знать, за той чертой багряной
Ходит в рубище пророка
Зазывала окаянный.

Он, то плачет, то хохочет,
То копеечку канючит.
Он мне гибель напророчит,
Он меня с тобой разлучит.

И когда не хватит силы
Отогнуть край одеяла,
Уведёт во мрак постылый
Ненасытный зазывала.

Ты услышишь – затоскуешь.
Затоскуешь – зарыдаешь:
Что ж ты, ветер, в душу дуешь?
Что ж ты за сердце хватает?»
1978

Я сушь осеннюю люблю.
Ещё таится звон в листве,
И дворники по всей Москве
Ещё кострами не дымят,
Кострами город не помят,
Осенним золотом богат.
Мы с ним такие богачи!...
Но ты о том, душа, молчи! 1974

Я пойду растраченный, как радость,
По людскому колкому жнивью.
Знать, душе ещё не отрыдалось
Под молитву первую твою.
Значит, там, за жёлтыми буграми,
Будет мне и царство и весна.
Крест окна. Звезда в оконной раме.
Ты и я у синего окна.

1986

Невыносимо белая сирень!
Как будто ангельские крылья.
А между тем, какой густою пылью
Их покрывает долгий летний день.

Ах, милый друг, мне не помочь слезами.
И жизнь пройдёт, как облачная тень.
Божественную белую сирень
Там, в небесах, везут, везут возами.

2007